

Вероника Адольфовна Разумовская

Сибирский федеральный университет, Россия

veronica_raz@hotmail.com

 ORCID 0000-0002-0751-7964

<https://orcid.org/0000-0002-0751-7964>

«Судьба» «сильных» текстов русской культуры: Ф.М. Достоевский в мировом культурном контексте

Izvorni znanstveni rad /

Original scientific paper

UDK 821.161.1:255.4

821.161.1.09Dostoevskij, F. M.

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.2>

Primljeno /Received: 20. prosinca 2023.

Prihvaćeno / Accepted: 1. ožujka 2024.

АННОТАЦИЯ

Статья обращается к некоторым аспектам «судьбы» «сильных» текстов русской литературы, созданных Достоевским и ставших культурным достоянием мира. Анализ выполнен в контексте новых переводоведческих категорий – неисчерпаемости художественного оригинала, переводной множественности, а также вероятного методологического понятия центра переводной аттракции. Рассматривается история переводов текстов Достоевского (преимущественно первых десятилетий) и формирования центров переводной аттракции, ядром которых стали романы, относящиеся к «великому пятикнижию» русского классика. Особое внимание уделяется переводимости, а также «переведенности» «сильных» художественных текстов средствами вербальных и невербальных семиотических систем.

Ключевые слова: художественный текст, русская литература, межъязыковой перевод, межсемиотический перевод, центр переводной аттракции

1. ВВЕДЕНИЕ

Для понимания природы, основных причин, а также источников культурного многообразия современного мира важное значение имеет явление, ставшее бесспорной культурной аксиомой: в силу различных причин творчество ряда выдающихся мастеров художественного слова выходит за пределы национальных культурных и литературных традиций, к которым они изначально принадлежали, становясь культурным достоянием всего человечества.

Такие авторы справедливо считаются знаковыми именами, «послами» своих культур, поскольку посредством созданных ими текстов представители других («чужих») культур получают возможность познакомиться с культурами и литературами происхождения произведений, а также обратиться к проблемам, волнующим читателя независимо от его языковой и культурной принадлежности, и осмыслить их. Очевидно, что не все читатели могут познакомиться с текстами художественной литературы на языке их оригиналов, что, бесспорно, делает перевод «ключом», обеспечивающим доступ к литературным ценностям поликультурного и многоязычного мира. При этом важно отметить, что признание ведущей роли художественного перевода для ведения успешного межкультурного и межлитературного диалога, ни в коей мере не исключает следующего важного обстоятельства: вся продолжительная история художественного перевода сопровождается непрекращающейся дискуссией о принципиальной возможности (или невозможности) перевода текстов литературы. Проблема переводимости и в XXI веке остается одной из центральных проблем переводоведения, включая в себя рассмотрение и поиски решения вопросов, варьируемых в широких границах таких противоположных понятий как абсолютная переводимость (Декарт и его последователи), так и абсолютная неперевоидимость (прежде всего, В. Гумбольдт, Ф. Шлейермахер, А. Потебня). Неоднозначность текстов художественной литературы и тесно связанная с ней неизбежная неопределенность, присущая объектам культуры и искусства, традиционно рассматриваются как обязательные свойства (категории) эстетической информации, представленной в такого рода текстах. Неоднозначность и неопределенность эстетической информации, а также особенности её формального воплощения в художественных текстах обеспечивают формально-содержательный синкретизм таких текстов и определяют перманентную актуальность проблематики

их переводимости/непереводимости, к которой в различные периоды становления науки о переводе обращались как теоретики переводоведения (Э. Доле, А. Тайтлер, Ж. Дю Белле, П. Ньюмарк, А. Лефевр, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Якобсон, А. Федоров), а также и авторы произведений, которые интересовались проблематикой перевода или были переводчиками своих текстов или текстов других авторов (В. Жуковский, А. Фет, И. Бродский, М. Кундера, В. Набоков, Р. Фрост). Опираясь на идеи российских переводоведов (А. Федорова, А. Швейцера, Л. Бархударова), предложивших и широко использующих понятие принципиальной переводимости, исключающее категоричность абсолютной возможности или невозможности перевода, а также накопленный опыт успешной переводческой деятельности, имеющей тысячелетнюю историю, обратимся к некоторым важным аспектам функционирования переводных текстов русской литературы в пространстве мировой культуры.

Бесспорное значение для поддержания успешного межкультурного диалога имеет перевод «сильных» текстов национальных литератур и культур. «Сильные» художественные тексты обладают безусловной ингерентной способностью к постоянному расширению границ своего культурного бытования, выходя за первоначальные пределы своих языков, литератур и культур. Так, Н. Кузьмина пришла к важному выводу о том, что к категории «сильных», прежде всего, принадлежат художественные тексты, которые обладают высоким эстетико-энергетическим потенциалом и, соответственно, большой художественной ценностью. В пространстве «своей» культуры «сильные» художественные тексты формируют её центральную часть, обеспечивая жесткость (неизменность, стабильность) соответствующих культурных решеток (а как следствие этого и самих культур) в силу нахождения в их узлах (Bassnett, Lefevere 1998) и, соответственно, сохранение «своих» культур. Наряду с эстетической информацией в таких текстах представлена ценная культурная информация и, что имеет особое значение, культурная память, что делает «сильные» художественные тексты традиционными носителями эстетической и культурной информации и обеспечивает сохранение ключевых смыслов «своей» культуры. Исследователь считает, что «сильные» тексты хорошо знакомы (или, по крайней мере, об их существовании известно) большинству представителей «своей» культуры – культуры, в недрах которой они были созданы, они традиционно входят в каноны программ различных уровней образования и имеют большую

аудиторию своих читателей. Успешная и продолжительная «жизнь» «сильных» текстов возможна за счет постоянного энергетического обмена между такими текстами и их читателями: «сильные» тексты не только отдают эстетическую энергию своим читателям, но также и получают от них соответствующую энергию, которая многократно усиливается в результате возникающего информационного резонанса (Кузьмина 2009: 68-71). В современном научном дискурсе еще одним важнейшим свойством «сильных» художественных текстов признается их способность к высокой степени реинтерпретативности, что делает их регулярными объектами межъязыкового перевода и других известных видов интерпретации, трансформации и адаптации информации вербального оригинала. Наиболее интересным среди возможных видов интерпретации вербального художественного текста (но недостаточно изученным), бесспорно, является межсемиотический перевод. Именно указанная способность к реинтерпретативности обеспечивает сохраняемость «сильного» текста литературы в синхронии и диахронии.

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую базу исследования составили труды российских и зарубежных ученых, посвященные изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского. Особое внимание уделено переводоведческому аспекту, сочетающему ключевые проблемы художественного перевода и актуальную тематику исследований текстов писателя. Интерпретация материала была основана на герменевтическом подходе. В исследовании анализируется история создания вторичных текстов переводов русского классика на европейские и восточные языки современного мира, что определило основные методы исследования – дескриптивный и прескриптивный. Наряду с общенаучными методами были использованы сравнительно-сопоставительный метод, метод библиографического анализа, а также методы наблюдения и анализа научной литературы.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В контексте явления реинтерпретативности одним из известных в мире автором «сильных» текстов русской литературы и культуры, бесспорно, является Ф.М. Достоевский. В соответствии с международной

базой данных переводов, созданной ЮНЕСКО, писатель входит в топ-лист самых переводимых авторов мира, включающий 50 имен, среди которых представлены не только мастера художественного слова, но и авторы текстов различной жанровой принадлежности (Index Translationum).

Оригиналы и многочисленные вторичные тексты произведений русского классика формируют центры переводной аттракции, в которых представлены полнотекстовые, сокращенные или фрагментарные переводы русскоязычных оригиналов на языки мира, а в более широком понимании явления перевода – переводы текстов Достоевского средствами других (и не только исключительно вербальных) семиотических систем. Центр переводной аттракции имеет полевою структуру, в которой художественный оригинал выступает ядром-аттрактором, а все его переводы – полем переводимости, формируемым: (1) активными переводами, которые регулярно используются, активно функционируют и локализуются в непосредственной близости от ядра-аттрактора; (2) пассивными переводами, к которым относятся устаревшие, потерявшие актуальность, редко используемые и вышедшие из активного употребления вторичные версии, локализуемые в удалении от ядра; (3) потенциальными переводами, которые только могут быть созданы, гипотетически возможны и поэтому находятся на дальней периферии от центра. Таким образом, центр переводной аттракции «сильного» текста художественной литературы имеет сложную системно-структурную организацию. Можно с уверенностью утверждать, что такой центр находится в постоянном развитии и позволяет быть рассмотренным как некий статично-динамичный сверттекст (гипертекст), конституируемый гипотекстами различной семиотической природы (Razumovskaya 2019). В аспектах теории художественного перевода и методологии изучения явлений переводческой деятельности центр переводной аттракции понимается как один из видов системного-структурного взаимодействия оригинала и его переводов, а также и как проявление системной незавершенности архитектурной конструкции, поскольку центр, ядром которого стал «сильный» художественный текст, никогда не будет создан до конца: количество его переводов будет перманентно меняться по причине появления новых переводов и выхода из употребления переводов созданных ранее, переводов устаревших и утративших актуальность в силу культурных, переводоведческих, литературоведческих, лингвистических,

экономических и прочих причин. Принципиальная возможность создания такого центра и его вероятный объем обеспечиваются, прежде всего, информационной «силой» художественного оригинала, поскольку данная «сила» определяет его следующие важные свойства: неисчерпаемость его информации (вероятность теоретически бесконечных интерпретаций оригинала в процессе знакомства с ним) и основанную на явлении неисчерпаемости переводную множественность (возможность появления у художественного оригинала практически неограниченного количества вторичных версий) (Чайковский, Лысенкова 2001; Шерстнева 2008). Еще раз отметим, что при понимании перевода в широком смысле в центр переводческой аттракции могут и должны быть включены не только межъязыковые, но также и внутриязыковые и межсемиотические виды вторичных текстов (в якобсонианском понимании видов перевода). Таким образом, «сильные» тексты продолжают свою «жизнь» не только во вторичных иноязычных версиях, но и в формах пародий, парафразов, пересказов, модернизированных вариантов (в синхронных и диахронных версиях, появившихся без выхода за пределы языка оригинала), а также вторичных невербальных версий (живописных, музыкальных, театральных и кинотекстов).

Оригиналы и вторичные версии текстов Достоевского, созданные средствами знаковых систем различной семиотической природы, в силу их широко признаваемого эстетического, культурного и философского значения, традиционно образуют обширные центры переводной аттракции, системное изучение которых может иметь несомненное значение для понимания роли произведений русского классика в культурных и литературных процессах в национальном и мировом масштабах. «Достоевский – это, пожалуй, самый узнаваемый и самый читаемый русский писатель, проза Достоевского известна за рубежом даже больше прозы Льва Толстого и, конечно, гораздо больше прозы Пушкина» (Смоленская 2014: 337). В декабре 2020 года со ссылкой на данные сервиса Storytel ТАСС сообщил, что Достоевский занял первое место в рейтинге российских авторов, книги которых чаще всего прослушивали (в популярном формате аудиокниги) за рубежом в 2020 году (Названы самые популярные за рубежом российские писатели). Имя Достоевского традиционно занимает верхние позиции в различных рейтингах самых популярных писателей мира. Так, с декабря 2009 года ведется онлайн голосование за список «100 лучших книг всех времен». На основе голосования был

составлен рейтинг лучших писателей, который на настоящий момент возглавляет именно Достоевский (Лучшие писатели). По результатам голосования на американском сайте ranker.com первую позицию среди десятка лучших русских книг занял роман «Преступление и наказание», а третью – «Братья Карамазовы». По данным указанного сайта ranker.com Достоевский стал первым и в списке лучших романистов всех времен (The Best Novelists of All Time). Лидирующие позиции писатель занимает и в других мировых рейтингах. При этом необходимо отметить, что место автора или его произведения в рейтинге отражает не только литературный дар автора или художественную ценность его текста, но также и культурное значение и влияние писателя. При этом отметим, что перечисленные параметры таланта автора «сильных» текстов, художественной ценности его текстов и их культурного значения не всегда полностью коррелируют.

В европейском культурном сознании Достоевский является своего рода мифом, одной из визитных карточек России, а в его текстах представлена сложная система смысловых доминант русской культуры, русской культурной информации и культурной памяти в сочетании с вечными вопросам, универсальными проблемами и нравственными темами, которые волнуют каждого человека независимо от его принадлежности к месту, времени или культуре. И в данном случае нельзя не согласиться с тем, что романы Достоевского представляют для их читателей значимый путь для самопознания. Через художественное повествование читатели постигают сложное взаимодействие добра и зла в жизни и мыслях человека, сокровенные тайны человеческой души и, что особенно важно, тайны души не только героев Достоевского, но их собственной.

Считается, что писатель стал известен за рубежом уже через его русскоязычные оригиналы, еще до появления их переводов и, прежде всего, переводов романов, известных как «великое пятикнижие». Однако масштабное знакомство зарубежных читателей с творчеством русского классика стало возможно только благодаря обширной деятельности переводчиков. И произошло это уже после кончины Достоевского в 1881 году.

Известно, что только за последние два десятилетия XIX века «было осуществлено 146 переводов произведений Достоевского на 19 европейских языков. И это уже были не отдельные главы и фрагменты,

а полноценные книги. <...> В это двадцатилетие произведения Достоевского были переведены на <...> английский, болгарский, венгерский, голландский, греческий, датский, испанский, итальянский, латышский, норвежский, немецкий, польский, сербский, финский, французский, хорватский, чешский, шведский и эстонский» (Фокин 2021: 68). В результате активной работы переводчиков писатель стал значимой фигурой в духовной жизни европейцев и, что особенно важно, был признан бесспорным классиком не только русской, но и европейской литературы.

Первым переводом текста Достоевского на европейский язык стал немецкий перевод фрагмента романа «Бедные люди» в авторстве В. Вольфсона, опубликованный в петербургской немецкоязычной газете в 1848 году (Фокин 2021). В дальнейшем при жизни писателя сделаны и опубликованы фрагментарные переводы ряда произведений на французский язык. Иноязычные версии текстов из цикла «великого пятикнижия» появляются уже после смерти автора и самые ранние переводные версии создаются на немецком, французском и английском языках. Таким образом, переводчики Германии, Франции и Англии с полным правом считаются пионерами в переводе творчества Достоевского (Бережков). Так, роман «Преступление и наказание» был впервые переведен на немецкий язык в 1882 году (переводчик В. Хенкель, версия опубликована под названием «Raskolnikow»), которое было в дальнейшем повторено в первых переводах романа и на другие европейские языки; например, в шведских переводах 1883 и 1884 годов (Маташина 2015)), французский – в 1884 году (переводчик В. Дерели, «Le Crime et le Châtiment») и английский – в 1886 году (переводчик Ф. Уишоу, «Crime and Punishment»). Являясь ярчайшим примером «петербургского текста» и социально-психологического и социально-философского произведения, роман оказал большое влияние как на русскую, так и всю мировую литературу и способствовал появлению многочисленных произведений-«спутников», которые воспроизводили сюжет, фабулу, мотивы, образы Достоевского. Данный интерес к роману является бесспорным свидетельством его «силы». Другим свидетельством стало создание многочисленных переводов. Считается, что уже до 1900 года создано двадцать переводов романа «Преступление и наказание» на европейские языки: английский, венгерский, голландский, греческий, датский, итальянский, латышский, норвежский, немецкий, польский, сербский, французский, хорватский и шведский языки (Фокин 2021).

Иноязычные версии романа «Идиот» появлялись в следующей последовательности: в 1887 году английская (Ф. Уишоу, «The Idiot») и французская (В. Дерели, «L'Idiot») версии, а в 1889 году – немецкая (А. Шольц, «Der Idiot»). Переводы «Бесов» были выполнены на французский язык в 1886 (В. Дерели, перевод опубликован под названием «Les Possédés»), на немецкий – в 1888 (Х. Путце, «Die Dämonen»), а на английский (К. Гарнетт, под названием «The Possessed») – только в 1914 году. К тексту «Подростка» европейские переводчики обратились в 1886 (немецкая версия В. Фридриха и В. Штайна, «Jünger Nachwuchs»), в 1902 (французский перевод В. Бинштока и Ф. Фенеона, «Un adolescent»), и в 1916 (английский перевод К. Гарнетт, под названием «A Raw Youth») годах. Первыми переводами романа «Братья Карамазовы» были следующие: немецкий 1884 года (неизвестный переводчик, с традиционным названием «Die Brüder Karamasow»), французский 1888 года (И. Гальперин-Каминский, «Les Frères Karamazov») и английский 1912 года (К. Гарнетт, «The Brothers Karamazov»).

Приведенные выше данные о ранних переводах текстов «великого пятикнижия» только на три европейских языка уже свидетельствует о том, что некоторые переводчики не ограничились работой только над одним текстом Достоевского и обратились в своей деятельности и к другим знаковым текстам из творческого наследия писателя. Так, первые английские версии указанных романов были созданы известными переводчиками Ф. Уишоу и К. Гарнетт, ставшими авторами англоязычных версий и других произведений Достоевского. Данные переводчики, несмотря на отмеченные критиками и исследователями стилевые и смысловые ошибки, многочисленные неточности и нарушения ассоциативных цепочек, а также опущения и переводческие неудачи в созданных версиях, тем не менее смогли выполнить важнейшую задачу знакомства англофонных читателей с представителем русской литературы, что способствовало развитию и дальнейшему укреплению русско-английского культурного диалога. В связи с вышесказанным необходимо отметить большое значение переводческой деятельности К. Гарнетт для приобщения английских и американских читателей не только к творчеству Достоевского, но и к русской литературе в целом. Свидетельством признания Гарнетт как бесспорного основоположника современной британской переводческой традиции русской литературы служит высказывание исследователя У. Дж. Летербэрроу о существовании целой «эпохи Констанции Гарнетт» (Leatherbarrow 1995: 27). Широко

известно, что переводы произведений Достоевского в авторстве Гарнетт неоднократно переиздавались в течение нескольких десятилетий после их создания, что было обусловлено, прежде всего, высоким авторитетом переводчика. Вслед за первым полнотекстовым английским переводом романа «Преступление и наказание» Ф. Уишоу (1886) появляется версия Гарнетт (1914), которая оставалась самой известной (канонической) и, соответственно, наиболее часто издаваемой на книжном рынке англоязычной литературы почти сорок лет.

Известны и многие другие переводчики произведений Достоевского на английский язык: Е. Мартин, Р. Певир и Л. Волохонская, Д. МакДафф, Ч. Дж. Хогарт, Д. Мэгаршэк, Д. Лоу, К. Ланц, Д. Пэттерсон, Р. Уилкс, работающие в различное время. Исследователи считают, что благодаря непрекращающейся и плодотворной деятельности переводчиков можно уверенно говорить о том, что в англоязычных странах к настоящему времени сложилась не только история рецепции творчества Достоевского в целом, но также и рецепция многих его произведений в отдельности (Сидельникова, Шатохина 2015).

Среди немецких переводчиков отметим Э. Кэррик (одна из первых немецких переводчиц Достоевского, работавшая под псевдонимом Е. К. Rahsin), Г. Мозера, М. Кегеля, Г. Рёля, Р. Касснера, Р. Гофмана. Исследователи немецких переводов Достоевского считают, что высокое качество переводческих версий стало возможным в силу наличия сформировавшейся, прежде всего, в Германии национальной школы перевода, но при этом регулярно отмечаются очевидные различия в интерпретациях оригиналов, созданных различными переводчиками (Васильева 2008). Среди современных немецких переводчиков наиболее известной является С. Гейер, которая также была и исследователем творчества писателя. Ей принадлежит авторство известного высказывания о том, что каждая эпоха требует своих переводов («Пять слонов...» 2011). Слова Гейер, ставшие осмыслением ее работы над переводами пятикнижия Достоевского («пяти слонов»), бесспорно актуальны и для всех выдающихся произведений русской литературы. Поскольку в каждую эпоху тексты классиков, не утрачивая своего культурного значения, получают при этом новое прочтение и толкование, что в полной мере обусловлено как требованиями времени создания новых версий, так и непреходящей художественной и философской «силой» русскоязычных оригиналов. Интересной

иллюстрацией может стать опыт изучения переводов Достоевского на итальянский язык в рамках летних школ, посвященных обучению аналитическо-синтетическому чтению художественных произведений. Так, итальянская летняя школа 2013 года была посвящена «Запискам из подполья», 2014 – «Братьям Карамазовым», 2015 – «Белым ночам» и «Сну смешного человека», 2016 – роману «Преступление и наказание». Преподаватели и исследователи работали на занятиях над текстами переводов с целью научиться методологии, методике, принципам и приемам анализа текстов художественной литературы, а также осмыслить важнейшие для европейской культуры XIX и XX веков произведения Достоевского (Мациолла 2019). Заслуживающим отдельного внимания результатом школы 2013 года стало появление в 2016 году нового итальянского перевода повести «Записок из подполья», выполненного переводчиком Е. Мацоллой в соавторстве с известным российским специалистом по творчеству Достоевского Т. А. Касаткиной. До появления указанного перевода было известно более десяти итальянских версий повести, но отличительной особенностью версии 2016 года стало сопровождение перевода богатым аналитическим аппаратом, соответствующим методу «медленного» чтения, разработанному Т. А. Касаткиной. В опубликованной рецензии на перевод 2016 года находим: «Новый перевод, ставший результатом скрупулезной коллективной работы по анализу текста Достоевского, заполняет целый ряд важных лакун в итальянской рецепции “Записок из подполья”, существенно дополняя и уточняя традиционную интерпретацию повести» (Голубцова 2020: 329).

Отвечая на вопрос о рынке переводной литературы в современной Франции и отмечая факт того, что русская литература занимает на данном рынке всего 1% из иностранной литературы и значительно уступает английской и американской, известный переводчик русской литературы Б. Крез, тем не менее, утверждает: «Из русской литературы читают больше классику, и особенно Достоевского. Больше, чем Толстого или Гоголя» (Александрова 2020). Данное высказывание в полной мере соответствует мнению о месте Достоевского как представителя русской литературы в зарубежной культуре, которое было приведено ранее. Французские переводчики обратились к текстам Достоевского одними из первых в Европе и создали национальную традицию перевода наследия великого русского классика, что уже в начале XXI века позволило исследователям истории и критики перевода говорить о «веке перевода Достоевского во Франции» (Костикова 2001). Подход

французских переводчиков к оригиналам русского писателя как объектам переводческой деятельности варьировал от характерной для Франции конца XIX века (времени создания первых переводов) адаптации вторичных текстов к нормам французской письменной речи (например, переводы В. Дерели) до детального анализа и учета особенностей русского языка (прежде всего, синтаксиса и стилистики) при принятии решения на перевод (метод А. Марковича) (Булгакова 2018). Так, обращаясь к переводам в авторстве Марковича и, прежде всего, к франкоязычной версии «Преступления и наказания» 1996 года, исследователи истории художественного перевода во Франции считают, что переводческий замысел Марковича состоял в том, «чтобы предоставить современному французскому читателю Достоевского в том виде, в котором он существует в русском языке. <...> французскому читателю интересно уже не столько содержание хорошо известного русского романа, сколько то, как он написан по-русски» (Костикова 2002: 19). Не вызывает сомнения, что каждый созданный перевод на французский язык сыграл свою роль в истории рецепции произведений русского классика во французской культуре, а также и в становлении национальной традиции перевода художественных текстов, что, несомненно, оказало влияние на общеевропейскую практику художественного перевода в целом и произведений Достоевского в частности. Не случайно, что именно во Франции в 2021 году, в юбилейный год двухсотлетия со дня рождения писателя, издан словарь «Достоевский», в котором представлено актуальное состояние исследований по Достоевскому во Франции и в ряде европейских стран (Niqueux 2021).

Примечательно, что первые переводы Достоевского на немецкий, французский, а также и английский языки оказали заметное влияние на переводы на другие иностранные языки. Так, П. Булонь, рассматривая вопросы раннего восприятия автора в Нидерландах и Фландрии и обращая внимание на аспекты, которые повлияли на восприятие Достоевского в нидерландскоязычной литературе как части общеевропейской литературной системы, детально анализирует корпус нидерландских, немецких и французских переводов, выполненных на рубеже XIX-XX веков в соответствии с принципами дескриптивного переводоведения (вслед за Г. Тури) и приходит к выводу, что большинство пропусков, замен и добавлений, имеющих в нидерландских версиях Достоевского, были автоматически перенесены нидерландскими переводчиками из переводов-посредников. По

данным исследователя, десять из рассматриваемых тринадцати переводов были выполнены с немецких переводов, два с французских и только один является прямым переводом с русского оригинала. П. Булонь считает, что изменения оригинала носят системный характер и имеют своей основной целью адаптирование известных текстов русского автора к ожиданиям западноевропейских читателей (Boulogne 2011).

Ф.М. Достоевский является одним из самых переводимых и читаемых русских писателей не только в европейских, но также и в восточных странах. Причем в каждой стране имеются свои особенности рецепции творчества русского классика. Так, тексты писателя, его философские и художественные взгляды интересны не только для китайских читателей, критиков и филологов, но они оказали бесспорное влияние на творческие искания китайских писателей, на становление литературной традиции современного Китая. В китайском достоевковедении отдельное большое направление составляют поиски художественной связи творчества писателей страны с работами Достоевского (Ай 2020). История переводов произведений Достоевского в Китае также имеет свои особенности. Прежде всего, объектами переводов, появившихся только в 20-х годах XX века и ставшими первыми китайскими версиями текстов Достоевского, были небольшие повести, рассказы или фрагменты романов. В 30-е годы переводчики обращаются уже к большим произведениям, но китайские версии выполняются не с русских оригиналов, а преимущественно с созданных ранее английских переводов. В следующем десятилетии переводы выполняются в большинстве случаев с русских оригиналов и уже в 50-х годах в стране наблюдается подъем переводов произведений русских классиков, среди которых Достоевскому принадлежит особое место. Спад переводов, характерный для периода культурной революции, сменился в 80-е годы очередным подъемом, результатом которого стало появление нескольких вариантов (у некоторых оригиналов многочисленных) текстов русского классика. В XXI веке создание китайскоязычных вариантов текстов Достоевского имело свое продолжение. Китайские исследователи отмечают ряд важных событий современного периода: издание в 2010 году «Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского» в 22 томах на китайском языке, а также создание в этом году Пекинского Центра по изучению Ф.М. Достоевского; в 2011 году (год 190 годовщины со дня рождения писателя) – проведение

международной конференции «Достоевский в контексте культуры XXI века: традиции и современность»; переиздание в 2015 году «Избранных сочинений Ф.М. Достоевского» (Чжоу 2018). Появление новых китайских переводов происходило одновременно с активной деятельностью по их публикации, с изучением творческого наследия писателя, а также переводом и изданием основных трудов зарубежного достоевсковедения. Одним из наиболее часто переводимых текстов, как и в европейской культуре, является «Преступление и наказание». Считается, что к настоящему времени выполнено более 16 переводов романа и шесть из них (переводчики Чжу Сянь-шэн, Гэн Цзи-чжи, Юе Линь, Цзэн Сы-и, Фэй Цинь, Цзан Чжун-лунь) появились только за период с 2011 по 2015 год (Чжоу 2018).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к «судьбе» текстов Достоевского, как и к «судьбе» других «сильных» текстов любой культуры, прежде всего, предполагает понимание природы связи «сильного» оригинала с его вторичными версиями. В переводоведении существует различное понимание природы такой связи. В данном случае интересна точка зрения теоретика и философа перевода В. Беньямина на природу отношения оригинала и перевода. Немецкий ученый утверждал, что перевод не служит читателю, а существует сам по себе, обеспечивая рост оригинала и тем самым продолжая его жизнь: «История великих произведений искусства знает период их вызревания на базе определенных источников, их воплощение в эпоху жизни художника, и затем – период их, по сути, вечного дальнейшего существования в последующих поколениях. Если последнее имеет место, можно говорить о славе. Переводы, означающие нечто большее, чем просто передачу сообщения, возникают в том случае, если произведение в течение своей дальнейшей жизни достигло эпохи своей славы. Посему они не столько служат ей, как с высокомерием мнится обычно плохим переводчикам, нет, они обязаны этой славе самим своим существованием. В них жизнь оригинала обретает свой неустанно возобновляющийся, самый исчерпывающий и самый поздний расцвет» (Беньямин 2004: 31). В соответствии с таким подходом перевод становится обязательной формой и важнейшим способом сохранения и дальнейшего роста оригинала. И чем больше вторичных версий обнаруживается у «сильного» художественного оригинала (то

есть чем выше степень его переведенности), тем больше возможностей у такого первичного текста быть сохраненным как в синхронии, так и диахронии (в своей и в «чужих» культурах).

Вся история создания переводческих версий текстов творческого наследия Достоевского на языках мира и их публикация в различных странах в различное время может стать значимым и бесспорно интересным объектом для реализуемого в настоящее время проекта «Большая история переводов (ВТН)», предполагающего обращение к большим объемам разнотипных данных по истории переводов, определение возможных перспектив исследования переводов с точки зрения новых вопросов, методологий, а также открытости для смежных дисциплин (например, таких как глобальные исследования и цифровые гуманитарные науки), что, возможно, позволит в дальнейшем разработать методы преодоления разрыва между цифровой и более традиционной историей перевода (Vimr 2019). Качественные характеристики появившихся переводов зависят от различных причин: особенностей рецепции и эволюция восприятия творчества Достоевского в различных странах мира в разные периоды; особенностей протекания культурного диалога между русской культурой и культурой языка перевода; мастерства и индивидуальных переводческих концепций и предпочтений переводчиков; знакомства авторов переводов с работами исследователей и критиков по достоевсковедению; развития и переосмысления взглядов на художественный перевод за более чем столетнюю историю переводов текстов писателя.

Анализ «судьбы» текстов Достоевского в историко-переводческом аспекте предполагает: рассмотрение наиболее частотных случаев и причин культурной и языковой непереводаемости, а также установление путей преодоления непереводаемости; установление эффективных стратегий перевода, сочетающих универсальное и уникальное в деятельности авторов вторичных текстов (и не только вербальных); определение пространства переведенности текстов писателя средствами различных семиотических систем в национальных и мировой культурах. Особого внимания заслуживает определение единиц перевода, которые коррелируют с различными уровнями текста и играют значимые роли в организации текста оригинала, а также способы перевода таких единиц. Для истории переводов произведений русского классика бесспорное значение имеет передача

названий художественных оригиналов в различных языках, культурах и семиотических системах перевода (Разумовская 2015), поскольку названия произведений литературы, являясь регулярными единицами перевода, относительно которой принимается решение на перевод, служат визитной карточкой текста и обнаруживает неразрывную связь с ним. Стратегии перевода названия выбираются с учетом языковых и культурных различий текстов, вовлеченных в процесс перевода. Значимую роль в выборе названия переводного текста играет переводческая традиция, сложившаяся в языке и культуре перевода, а нередко не только в одной национальной культуре, в более широком (например, европейском) культурном контексте. Задача создания «большой истории переводов (ВТН)» произведений Достоевского может быть решена в будущем, что будет способствовать установлению степени их переведенности средствами различных вербальных и невербальных семиотических систем, пониманию роли «сильных» художественных текстов русской культуры за ее пределами, а также особенностей рецепции и функционирования такого рода текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Ай, Хуэйжун (2020). Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях, в: *Научный диалог*, 11, Екатеринбург, 154–176.

Александрова, Наталья (2020). *У современной русской литературы во Франции мало читателей*. Available at: <https://www.hse.ru/ma/litmaster/news/357983958.html> (Accessed 20 December 2023)

Беньямин, Вальтер (2004). Задача переводчика, в: *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. Санкт-Петербург: Symposium, Санкт-Петербург, 27–46.

Бережков, Федор (2011). *Достоевский на Западе (1916–1928). К 190-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского*. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/5/be13.html#top> (Accessed 25 November 2023)

Булгакова, Наталья (2018). Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» во французских переводах: к вопросу о полноте передачи концепта «бесовство», в: *Культура и текст*, 2 (33), Барнаул, 69–89.

Васильева, Татьяна (2008). *Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в интерпретации немецких переводчиков: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет.

Голубцова, Анастасия (2020). Новый перевод «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского как результат совместной работы российских и итальянских исследователей, в: *Шаги/Steps*, т. 6, 3. Москва, 325–330.

Костикова, Ольга (2001). Достоевский во Франции: век перевода, *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4, Москва, 135–142.

Костикова, Ольга (2002). *Трансформации и деформации как категории переводческой критики: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Кузьмина, Наталья (2009). *Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации*. Омск: Издательство Омского государственного университета.

Лучшие писатели. Available at: <https://www.100bestbooks.ru/names.php> (Accessed 12 December 2023)

Маташина, Ирина (2015). История первых переводов романов Ф.М. Достоевского на шведский язык, в: *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 5, Петрозаводск, 66–69.

Мациолла, Елена (2019). Перевод versus комментариев, Достоевский и мировая культура, в: *Филологический журнал*, 1, Москва, 127–156.

Названы самые популярные за рубежом российские писатели (2020). Available at: <https://lenta.ru/news/2020/12/08/dostoevskii/> (Accessed 10 December 2023)

«Пять слонов» Светланы Гайер (2011). Available at: <http://www.germania-online.ru/kultur/kultura-detaj/datum/2011/11/30/pjat-slono-v-svetlany-gaier.html> (Accessed 13 December 2023)

Разумовская, Вероника (2015). Название романа Ф.М. Достоевского «Бесы» как переводческая проблема, в: *Русистика и современность. 18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей*. Рига: Балтийская международная академия, 436–443.

Сидельникова, Ольга, Шатохина, Анастасия (2015). Роман Ф.М. Достоевского «Игрок» в англоязычных переводах: к постановке проблемы, *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2 (34). Томск, 154–165.

Смоленская, Екатерина (2014). Ф.М. Достоевский глазами немецких и английских переводчиков: вызовы, проблемы, перспективы, в: *Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов*. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет, 336–345.

Фокин, Павел (2021). Европа знакомится с Достоевским: из истории переводов произведений русского писателя, в: *Философические письма. Русско-европейский диалог*, т. 4., 3. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 64–78.

Чайковский, Роман, Лысенкова, Елена (2001). *Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков*. Магадан: Кордис.

Чжоу, Ци-чао (2018). Новейшие переводы произведений Ф.М. Достоевского в современном Китае (2000–2015), в: *Миры литературного перевода. Т. 2. Переводчик: тонкости ремесла: Материалы тематических семинаров IV Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 8–11 сентября 2016 г.)*. Москва: АНО «Институт перевода», 75–77.

Шерстнева, Елена (2008). Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции, в: *Известия*

Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 73-1, Санкт-Петербург, 526–532.

Bassnett, Susan, Lefevere, André (1998). *Constructing Cultures. Essays on Literary Translation*. Clevedon: Multilingual Matters.

Boulogne, Pieter (2011). *Het temmen van de Scyth. De vroege Nederlandse receptie van F. M. Dostoevskij*. Amsterdam: Pegasus.

Index Translationum. Available at: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx> (Accessed 17 December 2023)

Leatherbarrow, William (1995). Introduction, in: *Dostoevskii and Britain*. Oxford, Providence: Berg Publishers Limited, 1–38.

Niqueux, Michel (2021). *Dictionnaire Dostoïevski*, Institut d'Etudes Slaves, Paris.

Razumovskaya, Veronica (2019). A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives, in: *Mundo Eslavo*, 18, Granada, 202–215.

The Best Novelists of All Time. Available at: <https://www.ranker.com/list/best-novelists-of-all-time/ranker-books?ref=collections&l=406818&collectionId=1563> (Accessed 22 December 2023)

Vimr, Ondrej (2019). Big Translation History: The Use of Data Mining and Big Data Approaches: Panel Report and Observation (EST Congress 2019 in Stellenbosch), in: *Chronotopos*, 2 (1), Wien, 192–195.

Veronica Razumovskaya

Sibirsko državno sveučilište, Rusija
veronica_raz@hotmail.com

S ruskog prevela: Irena Mikulaco

Sudbina „jakih“ tekstova ruske kulture: F. M. Dostojevski u svjetskom kulturnom kontekstu

SAŽETAK

Članak se bavi nekim aspektima *sudbine* „jakih“ tekstova ruske književnosti koje je stvorio Dostojevski i koji su postali svjetska kulturna baština. Analiza se provodi u kontekstu novih prevoditeljskih kategorija: kategorije neiscrpnosti književnoga izvornika, višestrukosti prijevoda kao i mogućega metodološkog pojma središta prevoditeljske privlačnosti. Razmatra se povijest prevođenja tekstova Dostojevskog (uglavnom njegova prva desetljeća) i formiranje nekih središta prevoditeljske privlačnosti, čiju jezgru čine beletristika Dostojevskog koja pripada „velikom petoknjižju“ ruskoga klasika. Posebna pozornost posvećena je pitanjima prevodivosti, kao i „prevodljivosti“ „jakog“ književnog teksta pomoću verbalnih i neverbalnih semiotičkih sustava.

Ključne riječi: književni tekst, ruska književnost, međujezični prijevod, intersemiotički prijevod, središte prijevodne privlačnosti

1. UVOD

Za razumijevanje prirode, glavnih uzroka i izvora kulturne raznolikosti suvremenoga svijeta, važno je jedno neporecivo kulturno načelo: zbog različitih razloga, stvaralaštvo niza izvanrednih majstora umjetničke riječi nadilazi granice nacionalnih kulturnih i književnih tradicija kojima su izvorno pripadali, postajući kulturnim naslijeđem cijeloga čovječanstva.

Takvi autori s pravom se smatraju značajnim imenima, „veleposlanicama“ svojih kultura, jer putem njihovih tekstova predstavnici drugih („stranih“) kultura dobivaju priliku upoznati se s kulturama i književnostima iz kojih potječu ta djela, kao i baviti se problemima koji zanimaju čitatelje, bez obzira na njihov jezični i kulturni identitet, te ih razumjeti. Očigledno je da se ne mogu svi čitatelji upoznati s tekstovima književnosti na izvornom jeziku, što nesumnjivo čini prijevod „ključem“ koji osigurava pristup književnim vrijednostima multikulturnoga i višejezičnoga svijeta. Važno je napomenuti da priznavanje vodeće uloge umjetničkoga prijevoda za uspješan međukulturni i međuknjiževni dijalog ni na koji način ne isključuje sljedeću važnu činjenicu: cijela duga povijest umjetničkoga prevođenja prati neprekidna rasprava o temeljnoj mogućnosti (ili nemogućnosti) prevođenja književnih tekstova. Problem prevodivosti i u 21. stoljeću ostaje jedno od središnjih pitanja teorije prevođenja, uključujući razmatranje i traženje rješenja za pitanja koja se kreću unutar širokih granica suprotstavljenih pojmova poput apsolutne prevodivosti (Descartes i njegovi sljedbenici) i apsolutne neprevodivosti (prije svega, W. Humboldt, F. Schleiermacher, A. Potebnja).

Višeznačnost književnih tekstova i usko povezana s njom neizbježna neodređenost, svojstvena objektima kulture i umjetnosti, tradicionalno se smatraju obveznim svojstvima (kategorijama) estetskih informacija predstavljenih u takvim tekstovima. Višeznačnost i neodređenost estetskih informacija, kao i specifičnosti njihova formalnog ostvarivanja u umjetničkim tekstovima, osiguravaju formalno-sadržajni sinkretizam takvih tekstova i određuju stalnu relevantnost problematike njihove prevodivosti/neprevodivosti. Ovu su problematiku tijekom različitih razdoblja razvoja znanosti o prevođenju proučavali i teoretičari prevođenja (E. Dolet, A. Tytler, J. du Bellay, P. Newmark, A. Lefevere, J. Ortega y Gasset, R. Jakobson, A. Fedorov) i autori djela koji su se bavili problematikom prevođenja ili su bili prevoditelji svojih tekstova ili tekstova drugih autora (V. Žukovski, A. Fet, J. Brodski, M. Kundera, V. Nabokov, R. Frost). Oslanjajući se na ideje ruskih teoretičara prevođenja (A. Fedorov, A. Švejcer, L. Barkudarov), koji su predložili i

široko koristili pojam principijelne prevodivosti, isključujući kategoričnost apsolutne mogućnosti ili nemogućnosti prevođenja, kao i na akumulirano iskustvo uspješne prevoditeljske djelatnosti koja ima tisućljetnu povijest, obratit ćemo pažnju na neke važne aspekte funkcioniranja prijevodnih tekstova ruske književnosti u prostoru svjetske kulture.

Nesporno značenje za održavanje uspješnoga međukulturnog dijaloga ima prijevod „jakih“ tekstova nacionalnih književnosti i kultura. „Jaki“ umjetnički tekstovi posjeduju bezuvjetnu inherentnu sposobnost stalnoga širenja granica svoje kulturne egzistencije, prelazeći izvorne granice svojih jezika, književnosti i kultura. Tako je N. Kuzmina došla do važnoga zaključka da kategoriji „jakih“ prije svega pripadaju umjetnički tekstovi koji imaju visok estetičko-energetski potencijal i, u skladu s tim, veliku umjetničku vrijednost. U prostoru „svoje“ kulture „jaki“ umjetnički tekstovi formiraju njezin središnji dio, osiguravajući čvrstoću (nepromjenjivost, stabilnost) odgovarajućih kulturnih okvira (a kao posljedica toga i samih kultura) zbog svojeg položaja u njihovim čvorištima (Bassnett, Lefevere 1998) i tako očuvanje „svojih“ kultura. Uz estetičke informacije, u takvim tekstovima predstavljene su vrijedne kulturne informacije i, što je posebno važno, kulturna memorija, što čini „jake“ umjetničke tekstove tradicionalnim nositeljima estetičke i kulturne informacije i osigurava očuvanje ključnih značenja „svoje“ kulture. Istraživač smatra da su „jaki“ tekstovi dobro poznati (ili je barem poznato njihovo postojanje) većini predstavnika „svoje“ kulture – kulture unutar koje su nastali. Oni tradicionalno ulaze u kanone programa različitih razina obrazovanja i imaju veliku čitateljsku publiku. Uspješan i dugotrajan „život“ „jakih“ tekstova moguć je zahvaljujući stalnoj energetskoj razmjeni između takvih tekstova i njihovih čitatelja: „jaki“ tekstovi ne samo da prenose estetsku energiju svojim čitateljima već također primaju od njih odgovarajuću energiju, koja se višestruko pojačava kao rezultat nastaloga informacijskoga odjeka (Kuzmina 2009: 68-71). U suvremenom znanstvenom diskursu još jedno od najvažnijih svojstava „jakih“ umjetničkih tekstova je prepoznavanje njihove sposobnosti za visok stupanj reinterpetativnosti, što ih čini redovitim objektima međujezičnog prevođenja i drugih poznatih vrsta interpretacije, transformacije i adaptacije informacija verbalnog originala. Najzanimljiviji među mogućim vrstama interpretacije verbalnoga umjetničkog teksta (ali nedovoljno proučavan) nesumnjivo je međusemiotički prijevod. Upravo ta sposobnost za reinterpetativnost osigurava očuvanje „jakog“ književnog teksta u sinkroniji i dijakroniji.

2. METODE ISTRAŽIVANJA

Metodološku osnovu istraživanja čine radovi ruskih i stranih znanstvenika posvećeni proučavanju stvaralačke baštine F. M. Dostojevskog. Posebna pozornost usmjerena je na aspekt prevođenja, koji kombinira ključne probleme umjetničkoga prevođenja i aktualnu tematiku istraživanja piščevih tekstova. Interpretacija materijala temeljila se na hermeneutičkom pristupu. U istraživanju se analizira povijest stvaranja sekundarnih tekstova prijevoda ruskoga klasika na europske i istočne jezike suvremenoga svijeta, što je odredilo osnovne metode istraživanja – deskriptivnu i preskriptivnu. Uz opće znanstvene metode korištene su komparativna metoda, metoda bibliografske analize, kao i metode promatranja i analize znanstvene literature.

3. REZULTATI I DISKUSIJA

U kontekstu fenomena reinterpetacije, jedan od svjetski poznatih autora „jakih“ tekstova ruske književnosti i kulture nedvojbeno je F. M. Dostojevski. Prema međunarodnoj bazi podataka o prijevodima koju je stvorio UNESCO, pisac se nalazi na vrhu liste najviše prevođenih autora svijeta. Lista uključuje 50 imena, među kojima su ne samo majstori književno-umjetničke riječi već i autori tekstova različitih žanrova (Index Translationum).

Originali i brojni sekundarni tekstovi djela ruskoga klasika oblikuju središte prijevodne privlačnosti u kojima se nalaze potpuni tekstovi, skraćeni ili fragmentarni prijevodi ruskih originala na svjetske jezike. U širem smislu fenomena prijevoda, prijevodi tekstova Dostojevskog putem drugih (ne samo verbalnih) semiotičkih sustava također igraju važnu ulogu. Središte prijevodne privlačnosti ima strukturu polja, u kojoj umjetnički original djeluje kao jezgra-privlačitelj, dok svi njegovi prijevodi predstavljaju polje prevodljivosti, koje se oblikuje: (1) aktivnim prijevodima koji se redovito koriste, aktivno funkcioniraju i lokaliziraju se u neposrednoj blizini jezgre-privlačitelja; (2) pasivnim prijevodima, koji obuhvaćaju zastarjele, nevažne, rijetko korištene i izvan aktivne uporabe sekundarne verzije, koje se lokaliziraju udaljeno od jezgre; (3) potencijalnim prijevodima, koji tek mogu biti stvoreni, hipotetski mogući i stoga se nalaze na periferiji udaljenoj od središta. Tako središte prijevodne privlačnosti „jakog“ književno-umjetničkog teksta ima kompleksnu strukturalno-sistemska organizaciju. Može se sa sigurnošću tvrditi da takvo središte stalno evoluiraju i može se promatrati kao neka vrsta statično-dinamičnog nadteksta (hiperteksta), konstituiranog

hipotekstovima različite semiotičke prirode (Razumovskaya 2019). U okviru teorije književnoga prevođenja i metodologije proučavanja fenomena prevoditeljske djelatnosti, središtem prijevodne privlačnosti shvaća se kao jedan oblik sistemsko-strukturne interakcije između originala i njegovih prijevoda te kao manifestacija sistemske nezavršenosti arhitektonske konstrukcije, jer središte, čija je jezgra postao „jak“ umjetnički tekst, nikada neće biti potpuno definirano: broj njegovih prijevoda stalno će se mijenjati zbog pojave novih prijevoda i izlaska iz uporabe ranijih prijevoda – koji su zastarjeli i izgubili relevantnost zbog kulturnih, prevoditeljskih, književno-teorijskih, jezičnih, ekonomskih i drugih razloga. Osnovna mogućnost stvaranja takvoga središta i njegov potencijalni opseg osiguravaju se, prije svega, informacijskom „snagom“ umjetničkog originala, jer ta „snaga“ određuje njegova ključna svojstva: beskonačnost informacija koje sadrži (teoretska mogućnost beskrajnih interpretacija originala pri upoznavanju s njim) i temelji se na pojavi beskonačnosti prijevodne raznolikosti (mogućnost stvaranja gotovo neograničenoga broja sekundarnih verzija umjetničkoga originala) (Čajkovski, Lisenkova 2001; Šerstneva 2008). Ponovno ističemo da u širem smislu razumijevanja prijevoda, u središte prijevodne privlačnosti trebaju biti uključeni ne samo međujezični već i unutarjezični i međusemiotički oblici sekundarnih tekstova (u Jakobsonovom shvaćanju vrsta prijevoda). Na taj način, „jaki“ tekstovi nastavljaju svoj „život“ u sekundarnim stranim inačicama, ali i u oblicima parodija, parafraza, prepričavanja, moderniziranih inačica (u sinkronijskim i dijakronijskim inačicama koje ostaju unutar granica jezika originala), kao i u sekundarnim neverbalnim verzijama (slikarskim, glazbenim, kazališnim i filmskim tekstovima).

Originali i sekundarne inačice Dostojevskog, stvorene s pomoću znakovnih sistema različite semiotičke prirode, zbog njihovog široko priznatog estetskog, kulturnog i filozofskog značaja tradicionalno formiraju obimna središta prijevodne privlačnosti. Sistematsko proučavanje ovih središta može imati neosporno značenje za razumijevanje uloge djela ruskoga klasika u kulturnim i književnim procesima na nacionalnoj i svjetskoj razini. „Dostojevski je možda najprepoznatljiviji i najčitaniji ruski pisac, proza Dostojevskog je poznatija u inozemstvu čak i od proze Lava Tolstoja i, naravno, mnogo više od proze Puškina“ (Smolenskaja 2014: 337). U prosincu 2020. godine, pozivajući se na podatke servisa Storytel, TASS je izvijestio da je Dostojevski zauzeo prvo mjesto među ruskim autorima čije su knjige najslušanije (u popularnom formatu audioknjiga) izvan Rusije u 2020. godini (imenovani su najpopularniji ruski pisci koji se čitaju izvan Rusije). Ime

Dostojevskog tradicionalno zauzima vodeće pozicije na raznim rang-listama najpopularnijih svjetskih pisaca.

Dakle, od prosinca 2009. godine provodi se *online* glasanje za listu „100 najboljih knjiga svih vremena“. Na temelju toga glasanja sastavljena je rang-lista najboljih pisaca koju trenutačno predvodi upravo Dostojevski (Najbolji pisci). Prema rezultatima glasanja na američkoj mrežnoj stranici ranker.com, roman *Zločin i kazna* zauzima prvo mjesto među deset najboljih ruskih knjiga, dok *Braća Karamazovi* zauzimaju treće mjesto. Prema podacima već spomenute stranice ranker.com, Dostojevski je također prvi na listi najboljih romanopisaca svih vremena (The Best Novelists of All Time). Pisac zauzima vodeće pozicije i na drugim svjetskim rang-listama. Važno je napomenuti da mjesto autora ili njegova djela na listi odražava ne samo književni dar autora ili umjetničku vrijednost njegova teksta već i kulturni značaj i utjecaj pisca. Istovremeno, treba primijetiti da navedeni parametri talenta autora „jakih“ tekstova, umjetničke vrijednosti njegovih tekstova i njihovog kulturnog značaja ne koreliraju uvijek u potpunosti.

U europskoj kulturnoj svijesti Dostojevski predstavlja svojevrsni mit, jedna od vizit-kartica Rusije, a u njegovim tekstovima predstavljena je kompleksna mreža dominantnih značenja ruske kulture, ruskih kulturnih informacija i kulturnoga pamćenja u kombinaciji s vječnim pitanjima, univerzalnim problemima i moralnim temama koje zabrinjavaju svakoga, neovisno o njegovoj pripadnosti mjestu, vremenu ili kulturi. U ovom slučaju teško je ne složiti se s tvrdnjom da romani Dostojevskog predstavljaju značajan put samospoznaje njegovih čitatelja. Kroz umjetničko pripovijedanje, čitatelji otkrivaju kompleksnu interakciju dobra i zla u životu i mislima čovjeka, skrivene tajne ljudske duše i, što je posebno važno, tajne duše ne samo likova Dostojevskog već i vlastite.

Smatra se da je pisac postao poznat u inozemstvu već na temelju svojih originala na ruskom jeziku, prije nego što su njegova djela bila prevedena, posebno romani poznati kao „veliko petoknjžje“. Međutim, masovno upoznavanje stranih čitatelja s djelima ovoga ruskog klasika postalo je moguće tek zahvaljujući obimnom radu prevoditelja. To se dogodilo nakon smrti Dostojevskog 1881. godine.

Za posljednja dva desetljeća 19. stoljeća, poznato je da su „napravljena 146 prijevoda djela Dostojevskog na 19 europskih jezika. To više nisu bila samo pojedinačna poglavlja ili fragmenti, već potpune knjige. <...> U ta dva

desetljeća djela Dostojevskog su prevedena na <...> engleski, bugarski, mađarski, nizozemski, grčki, danski, španjolski, talijanski, latvijski, norveški, njemački, poljski, srpski, finski, francuski, hrvatski, češki, švedski i estonski jezik” (Fokin 2021: 68). Zahvaljujući aktivnom radu prevoditelja, pisac je postao značajna figura u duhovnom životu Europljana i, što je posebno važno, priznat je kao neosporni klasik ne samo ruske već i europske književnosti.

Prvi prijevod Dostojevskog na neki europski jezik bio je njemački prijevod fragmenta romana *Bijedni ljudi* u autorstvu V. Wolfsona, objavljen u jednim peterburškim novinama na njemačkom jeziku 1848. godine (Fokin 2021). Tijekom piščeva života, fragmentarni prijevodi nekoliko djela bili su objavljeni i na francuskom jeziku. Inačice tekstova iz „velikog petoknjižja“ na stranim jezicima pojavile su se nakon autorove smrti, a najraniji prijevodi stvoreni su na njemačkom, francuskom i engleskom jeziku. Stoga se prevoditelji iz Njemačke, Francuske i Engleske s pravom smatraju pionirima u prevođenju djela Dostojevskog (Berežkov).

Tako je roman *Zločin i kazna* prvi put preveden na njemački jezik 1882. godine (prevoditelj je W. Henckel, inačica objavljena pod nazivom *Raskolnikow*, ime koje se ponavljalo u prvim prijevodima romana na druge europske jezike; na primjer, u švedskim prijevodima iz 1883. i 1884. godine (Matašina 2015)), na francuski 1884. godine (prevoditelj V. Derély, *Le Crime et le Châtiment*) i na engleski 1886. godine (prevoditelj F. Whishaw, *Crime and Punishment*). Kao sjajan primjer „peterburškog teksta“ te socijalno-psihološkoga i socijalno-filozofskoga djela, roman je imao veliki utjecaj na rusku, ali i na svjetsku književnost te je potaknuo nastanak brojnih „pratitelja“ koji su reproducirali zaplet, radnju, motive i likove Dostojevskog. Taj interes za roman nedvojbeno svjedoči o njegovoj „snazi“. Drugi je dokaz stvaranje brojnih prijevoda. Smatra se da je do 1900. godine nastalo dvadeset prijevoda romana *Zločin i kazna* na europske jezike: engleski, mađarski, nizozemski, grčki, danski, talijanski, latvijski, norveški, njemački, poljski, srpski, francuski, hrvatski i švedski jezik (Fokin 2021). Inačice romana *Idiot* na stranim jezicima pojavile su se sljedećim redoslijedom: 1887. godine engleska (F. Whishaw, *The Idiot*) i francuska (V. Derély, *L'Idiot*), a 1889. godine njemačka (A. Scholz, *Der Idiot*). Prijevod *Bjesova* na francuski jezik napravljen je 1886. (V. Derély, prijevod objavljen pod naslovom *Les Possédés*), na njemački 1888. (H. Putze, *Die Dämonen*), a na engleski (C. Garnett, pod naslovom *The Possessed*) tek 1914. godine. Europski prevoditelji obratili su se tekstu *Mladić* 1886. godine (njemački prijevod W. Friedricha i W. Steina, *Junger Nachwuchs*),

1902. (francuski prijevod V. Bienstocka i F. Fénéona, *Un adolescent*) i 1916. (engleski prijevod C. Garnett, pod naslovom *A Raw Youth*).

Prvi prijevodi romana *Braća Karamazovi* bili su sljedeći: njemački 1884. godine (nepoznati prevoditelj, s tradicionalnim naslovom *Die Brüder Karamasow*), francuski 1888. godine (I. Halperin-Kaminsky, *Les Frères Karamazov*) i engleski 1912. godine (C. Garnett, *The Brothers Karamazov*). Podaci o ranim prijevodima tekstova „velikog petoknjižja“ na tri europska jezika već svjedoče o tome da neki prevoditelji nisu ograničili svoj rad samo na jedan tekst Dostojevskog, već su se bavili i drugim značajnim tekstovima iz piščeva stvaralačkoga naslijeđa. Tako su prve engleske inačice navedenih romana stvorili poznati prevoditelji F. Whishaw i C. Garnett, koji su postali autori engleskih prijevoda i drugih djela Dostojevskog. Ovi prevoditelji, unatoč kritikama i istraživačima koji su primijetili stilske i sadržajne pogreške, brojne netočnosti i kršenja asocijativnih lanaca, kao i propuste i prevoditeljske neuspjehe u njihovim prijevodima, uspjeli su ispuniti ključni zadatak upoznavanja anglofonih čitatelja s predstavnikom ruske književnosti, što je pridonijelo razvoju i daljnjem jačanju rusko-engleskoga kulturnog dijaloga.

U vezi s gore navedenim, potrebno je istaknuti veliku važnost prevoditeljske djelatnosti C. Garnett za uvođenje engleskih i američkih čitatelja u djela Dostojevskog i uopće u rusku književnost. Priznanje Garnett kao neosporne utemeljiteljice moderne britanske prevoditeljske tradicije ruske književnosti svjedoči izjava istraživača W. J. Leatherbarrowa o postojanju cijele „epohe Constance Garnett“ (Leatherbarrow 1995: 27). Poznato je da su Garnettini prijevodi djela Dostojevskog više puta ponovno izdavani tijekom nekoliko desetljeća nakon njihovog stvaranja, što je prvenstveno bio rezultat visokoga ugleda prevoditeljice. Nakon prvoga cjelovitog engleskog prijevoda romana *Zločin i kazna* F. Whishawa (1886), pojavio se Garnettin prijevod (1914), koji je ostao najpoznatiji (kanonski) i tako najčešće izdavan na tržištu anglofone literature gotovo četrdeset godina.

Nakon prvoga cjelovitog prijevoda romana *Zločin i kazna* na engleski jezik, koji je 1886. godine napravio F. Wishaw, pojavila se verzija koju je 1914. godine prevela Constance Garnett. Ova verzija ostala je najpoznatija i najčešće izdavana na tržištu engleske književnosti gotovo četrdeset godina. Poznati su i mnogi drugi prevoditelji djela Dostojevskog na engleski jezik: E. Martin, R. Pevear i L. Volokhonsky, D. McDuff, C. J. Hogarth, D. Magarshack, D. Low, K. Lantz, D. Patterson, R. Wilks, koji su djelovali u različito vrijeme. Istraživači

smatraju da se zahvaljujući neprekidnom i plodnom radu prevoditelja može s pravom reći da je u anglofonom svijetu stvorena povijest recepcije Dostojevskog, ali i recepcija mnogih njegovih djela posebno (Sidelnikova, Štathovina 2015).

Među njemačkim prevoditeljima ističu se E. Carrick (jedna od prvih njemačkih prevoditeljica Dostojevskog, radila je pod pseudonimom E. K. Rahsin), G. Moser, M. Kegel, G. Röhl, R. Kassner, R. Hoffmann. Istraživači njemačkih prijevoda Dostojevskog smatraju da je visoka kvaliteta prijevoda postignuta zahvaljujući formiranoj nacionalnoj prevoditeljskoj školi u Njemačkoj, iako se redovito primjećuju očite razlike u interpretacijama originala koje su stvorili različiti prevoditelji (Vasiljeva 2008). Među suvremenim njemačkim prevoditeljima najpoznatija je S. Geier, koja je također bila istraživačica piščeva djela. Njoj pripada poznata izjava da svaka epoha zahtijeva svoje prijevode („Pet slonova...” 2011). Njezine riječi, koje su rezultat njezina rada na prijevodima *petoknjižja* Dostojevskog („*pet slonova*“), nesumnjivo su aktualne i za sva izvanredna djela ruske književnosti. U svakoj epohi klasični tekstovi, bez gubitka svojega kulturnog značaja, dobivaju novo čitanje i tumačenje, što je u potpunosti uvjetovano zahtjevima vremena stvaranja novih prijevoda kao i trajnom umjetničkom i filozofskom snagom ruskih originala.

Zanimljiv primjer predstavlja proučavanje prijevoda Dostojevskog na talijanski jezik u sklopu ljetnih škola posvećenih analitičko-sintetičkom čitanju književnih djela. Tako je talijanska ljetna škola 2013. bila posvećena *Zapisima iz podzemlja*, 2014. *Braći Karamazovima*, 2015. *Bijelim noćima* i *Snu smiješnog čovjeka*, a 2016. romanu *Zločin i kazna*. Profesori i istraživači radili su na prijevodima s ciljem učenja metodologije, principa i tehnika analize književnih tekstova, kao i razumijevanja važnih djela Dostojevskog za europsku kulturu XIX. i XX. stoljeća (Mazziola 2019). Posebno je značajan rezultat škole iz 2013. godine, koji je doveo do pojave novog talijanskog prijevoda *Zapisa iz podzemlja* 2016. godine, koji su preveli E. Mazziola i poznata ruska stručnjakinja za Dostojevskog T. A. Kasatkina. Prije toga prijevoda bilo je poznato više od deset talijanskih inačica prijevoda, ali posebnost je ove iz 2016. u analitičkom aparatu koji prati prijevod, u skladu s metodom „sporog“ čitanja koju je razvila T. A. Kasatkina. U recenziji toga prijevoda iz 2016. piše: „Novi prijevod, rezultat detaljnog kolektivnog rada na analizi teksta Dostojevskog, popunjava niz važnih praznina u talijanskoj recepciji *Zapisa iz podzemlja*, značajno nadopunjujući i pojašnjavajući tradicionalnu interpretaciju priče“ (Golubcova 2020: 329).

Odgovarajući na pitanje o tržištu prevedene literature u suvremenoj Francuskoj, poznati prevoditelj ruske literature B. Kreise ističe da ruska literatura zauzima samo 1 % strane literature, znatno zaostajući za engleskom i američkom, no dodaje: „Od ruske literature najviše čitaju klasiku, posebno Dostojevskog. Više nego Tolstoja ili Gogolja“ (Aleksandrova 2020). Ova izjava u potpunosti se slaže s mišljenjem o mjestu Dostojevskog kao predstavnika ruske literature u stranoj kulturi. Francuski prevoditelji obratili su se Dostojevskom među prvima u Europi i stvorili nacionalnu tradiciju prevođenja naslijeđa velikoga ruskog klasika, što je već početkom XXI. stoljeća omogućilo istraživačima povijesti i kritike prijevoda govoriti o „stoljeću prijevoda Dostojevskog u Francuskoj“ (Kostikova 2001). Pristup francuskih prevoditelja originalima ruskoga pisca varirao je od adaptacije sekundarnih tekstova prema normama francuskoga pisanja krajem XIX. stoljeća (npr. prijevodi V. Derélyja) do detaljne analize i uvažavanja karakteristika ruskoga jezika (prvenstveno sintakse i stilistike) pri odlučivanju o prijevodu (metoda A. Markoviča) (Bulgakova 2018). Tako, obraćajući se prijevodima Markoviča, posebno francuskoj verziji *Zločina i kazne* iz 1996. godine, istraživači povijesti književnoga prevođenja u Francuskoj smatraju da je Markovičev prevoditeljski cilj bio „predstaviti suvremenom francuskom čitatelju Dostojevskog onakvog kakav je na ruskom jeziku. <...> francuskom čitatelju više nije toliko zanimljiv sadržaj dobro poznatog ruskog romana, koliko to kako je napisan na ruskom jeziku“ (Kostikova 2002: 19). Nema sumnje da je svaki prijevod na francuski jezik odigrao svoju ulogu u povijesti recepcije djela ruskoga klasika u francuskoj kulturi, kao i u stvaranju nacionalne tradicije prevođenja umjetničkih tekstova, što je nesumnjivo utjecalo na europsku praksu umjetničkoga prevođenja u cjelini, a posebno na prijevode djela Dostojevskog. Nije slučajno da je upravo u Francuskoj 2021. godine, u godini dvjestote obljetnice rođenja pisca, objavljen *Rječnik Dostojevski (Dictionnaire Dostoïevski)* koji predstavlja aktualno stanje istraživanja Dostojevskog u Francuskoj i nizu europskih zemalja (Niqueux 2021).

Zanimljivo je da su prvi prijevodi Dostojevskog na njemački, francuski, kao i na engleski jezik imali značajan utjecaj na prijevode drugih stranih jezika. Tako P. Boulogne, proučavajući rano prihvaćanje autora u Nizozemskoj i Flandriji i obraćajući pažnju na aspekte koji su utjecali na prihvaćanje Dostojevskog u nizozemskom jeziku kao dijelu europskoga književnog sustava, detaljno analizira nizozemske, njemačke i francuske prijevode s prijelaza XIX. u XX. stoljeće prema načelima deskriptivnoga prevoditeljstva (slijedeći G. Touryja) i zaključuje da su većina propusta, zamjena i dodataka u nizozemskim inačicama prijevoda Dostojevskog automatski preuzeti od

prevoditelja-posrednika. Prema istraživaču, deset od trinaest razmatranih prijevoda izvedeno je iz njemačkih prijevoda, dva iz francuskih, a samo jedan je izravni prijevod s ruskog originala. P. Boulogne smatra da su promjene originala sustavne naravi i cilj im je prilagoditi poznate tekstove ruskog autora očekivanjima zapadnoeuropskih čitatelja (Boulogne 2011).

F. M. Dostojevski jedan je od najprevođenijih i najčitanijih ruskih pisaca ne samo u europskim već i u istočnim zemljama. U svakoj zemlji postoje specifičnosti recepcije djela ovoga ruskog klasika. Na primjer, tekstovi pisca, njegova filozofska i umjetnička gledišta zanimljivi su kineskim čitateljima, kritičarima i filolozima, ali su nesumnjivo utjecali i na kreativna stremljenja kineskih pisaca te na formiranje književne tradicije suvremene Kine. U kineskoj dostojevskologiji zasebno veliko područje čine istraživanja umjetničke povezanosti stvaralaštva kineskih pisaca s djelima Dostojevskog (Ai 2020).

Povijest prijevoda djela Dostojevskog u Kini također ima svoje specifičnosti. Prvi prijevodi pojavili su se tek 20-ih godina XX. stoljeća i činili su prve kineske inačice prijevoda tekstova Dostojevskog. To su bile kratke pripovijetke, priče ili fragmenti romana. U 30-im godinama prevoditelji se okreću većim djelima, ali kineski prijevodi nisu nastali prema ruskim originalima, već uglavnom iz ranije stvorenih engleskih prijevoda. U sljedećem desetljeću prijevodi se većinom rade s ruskih originala, a u 50-im godinama dolazi do porasta prijevoda djela ruskih klasika, među kojima Dostojevski zauzima posebno mjesto. Pad prijevoda, karakterističan za razdoblje kulturne revolucije, zamijenjen je u 80-im godinama novim porastom, rezultatom čega je bilo pojavljivanje nekoliko inačica prijevoda (od kojih su neki originali imali brojne inačice) tekstova ruskoga klasika. U XXI. stoljeću stvaranje kineskih prijevoda tekstova Dostojevskog se nastavilo.

Kineski istraživači bilježe niz važnih događaja u suvremenom razdoblju: izdavanje *Potpunih sabranih djela F. M. Dostojevskog* u 22 toma na kineskom jeziku 2010. godine, kao i osnivanje Pekinškog centra za proučavanje F. M. Dostojevskog iste godine; 2011. godine (190. godišnjica rođenja pisca) održana je međunarodna konferencija „Dostojevski u kontekstu kulture 21. stoljeća: tradicija i suvremenost“; ponovno izdavanje *Izabranih djela F. M. Dostojevskog* 2015. godine (Zhou 2018). Pojava novih kineskih prijevoda dogodila se istovremeno s aktivnom djelatnošću oko njihove publikacije, proučavanjem stvaralačkoga naslijeđa pisca, kao i prevođenjem i izdavanjem osnovnih djela svjetske dostojevskologije. Jedan je od najčešće prevođenih

tekstova, kao i u europskoj kulturi, *Zločin i kazna*. Smatra se da je do danas nastalo više od 16 prijevoda romana, a šest njih (prevoditelji Zhu Xian-sheng, Geng Ji-zhi, Yue Lin, Zeng Si-yi, Fei Qin, Zang Zhong-lun) pojavilo se samo u razdoblju od 2011. do 2015. godine (Zhou 2018).

4. ZAKLJUČAK

Obraćanje „sudbini“ tekstova Dostojevskog, kao i „sudbini“ drugih „jakih“ tekstova bilo koje kulture, prvenstveno podrazumijeva razumijevanje prirode veze „jakog“ originala s njegovim sekundarnim inačicama. U teoriji prevođenja postoji različito razumijevanje prirode te veze. U ovom slučaju zanimljivo je stajalište teoretičara i filozofa prevođenja W. Benjamina o prirodi odnosa između originala i prijevoda. Njemački znanstvenik tvrdio je da prijevod ne služi čitatelju, već postoji sam po sebi, omogućujući rast originala i time produžujući njegov život: „Povijest velikih umjetničkih djela poznaje razdoblje njihova sazrijevanja na osnovi određenih izvora, njihovo utjelovljenje u vrijeme života umjetnika, i zatim – razdoblje njihovog, u suštini, vječnog daljnjeg postojanja u sljedećim generacijama. Ako ovo potonje postoji, možemo govoriti o slavi. Prijevodi, koji znače nešto više od samoga prijenosa poruke, nastaju kada je djelo tijekom svojega daljnjeg života postiglo razdoblje slave. Stoga, oni ne služe toj slavi, kao što s visokom nadmenošću obično misle loši prevoditelji, već oni toj slavi duguju samo svoje postojanje. U njima život originala stječe svoj neprestano obnavljajući, najpotpuniji i najkasniji procvat“ (Benjamin 2004: 31). U skladu s takvim pristupom, prijevod postaje obvezni oblik i najvažniji način očuvanja i daljnjega rasta originala. I što se više sekundarnih inačica otkrije kod „jakog“ umjetničkog originala (to jest, što je veći stupanj njegove prevedenosti), to je više mogućnosti za takav primarni tekst da bude očuvan u sinkroniji i u dijakroniji (u svojoj i u „tuđim“ kulturama).

Cijela povijest stvaranja prijevodnih inačica tekstova stvaralačkoga naslijeđa Dostojevskog na jezicima svijeta i njihova publikacija u različitim zemljama u različito vrijeme može postati značajan i nesumnjivo zanimljiv objekt za trenutačno realizirani projekt „Velika povijest prijevoda (BTH)“, koji podrazumijeva pristup velikim količinama raznolikih podataka o povijesti prijevoda, određivanje mogućih perspektiva istraživanja prijevoda s obzirom na nove upite, metodologije, kao i otvorenost za srodne discipline (npr. globalna istraživanja i digitalne humanističke znanosti), što bi možda omogućilo daljnji razvoj metoda za premošćivanje jaza između digitalne i

tradicionalnije povijesti prijevoda (Vimr 2019). Kvalitativne karakteristike nastalih prijevoda ovise o različitim razlozima: specifičnosti recepcije i evolucije percepcije stvaralaštva Dostojevskog u različitim zemljama svijeta u različitim razdobljima; specifičnosti provođenja kulturnoga dijaloga između ruske kulture i kulture jezika prijevoda; vještine i individualnih prevoditeljskih koncepcija i preferencija prevoditelja; poznavanja autora prijevoda s radovima istraživača i kritičara dostojevskologije; razvoja i preispitivanja stavova o umjetničkom prevođenju tijekom više od stoljetne povijesti prijevoda tekstova pisca.

Analiza „sudbine“ tekstova Dostojevskog u povijesno-prevoditeljskom pogledu podrazumijeva: razmatranje najčešćih slučajeva i uzroka kulturne i jezične neprevodivosti, kao i uspostavljanje načina za prevladavanje neprevodivosti; uspostavljanje učinkovitih strategija prevođenja koje kombiniraju univerzalno i jedinstveno u djelatnosti autora sekundarnih tekstova (i ne samo verbalnih); određivanje prostora prevedenosti tekstova pisca sredstvima različitih semiotičkih sustava u nacionalnim i svjetskim kulturama. Posebnu pozornost zaslužuje određivanje jedinica prijevoda koje koreliraju s različitim razinama teksta i igraju značajne uloge u organizaciji originalnoga teksta, kao i načini prevođenja takvih jedinica. Za povijest prijevoda djela ruskoga klasika nesumnjivo je važan prijenos naslova umjetničkih originala na različitim jezicima, kulturama i semiotičkim sustavima prijevoda (Razumovskaya 2015), jer naslovi književnih djela, kao redovite jedinice prijevoda o kojima se donosi odluka o prijevodu, služe kao posjetnica teksta i otkrivaju neraskidivu vezu s njim. Strategije prevođenja naslova biraju se s obzirom na jezične i kulturne razlike tekstova uključenih u proces prevođenja. Značajnu ulogu u izboru naslova prijevodnoga teksta igra prevoditeljska tradicija, koja se razvila u jeziku i kulturi prijevoda, a često ne samo u jednoj nacionalnoj kulturi već u širem (npr. europskom) kulturnom kontekstu. Zadatak stvaranja „Velike povijesti prijevoda (BTH)“ djela Dostojevskog može se riješiti u budućnosti, što će doprinijeti utvrđivanju stupnja njihove prevedenosti sredstvima različitih verbalnih i neverbalnih semiotičkih sustava, razumijevanju uloge „jakih“ umjetničkih tekstova ruske kulture izvan njezinih granica, kao i specifičnosti recepcije i funkcioniranja takvih tekstova.

Veronica A. Razumovskaya

Siberian Federal University, Russia

veronica_raz@hotmail.com

The “Strong” Texts of Russian Culture “Destiny”: F. M. Dostoevsky in the World Cultural Context

SUMMARY

The article addresses some aspects of “strong” texts of the Russian literature “destiny”, which were created by Dostoyevsky and have become world cultural heritage. The analysis was carried out in the context of new categories of Translation Studies: the category of literary original inexhaustibility, translation multiplicity as well as the possible methodological notion of a center of translation attraction. The history of the translation of Dostoevsky’s texts (mostly its first decades) and the formation of some centers of translation attraction, the core of which are Dostoevsky’s works of fiction belonging to “the great Pentateuch” of the Russian classic are considered. Particular attention is paid to the issues of translatability, as well as the “translatedness” of a “strong” literary text by means of verbal and non-verbal semiotic systems.

Keywords: literary text, the Russian literature, interlingual translation, intersemiotic translation, center of translation attraction